

Рос. муз. газет. — 1997. —
сент. (№ 9). — с. 7

Слово об учителе

Строго говоря, я не вправе считать себя учеником Кирилла Львовича. Проучился я у него недолго, всего лишь несколько месяцев. И был к тому же плохим учеником, нерадивым.

Когда я начал учиться в консерватории и появился среди прочих этот предмет — концертмейстерский класс, меня зачислили к К. Л. Виноградову, так мне необычайно повезло. И когда подошла экзаменационная сессия, один из профессоров, заглянув в мою зачетную книжку, где были проставлены предметы и фамилии учителей, сказал с расстановкой, покачивая головой: "М-да, у вас собрались тут неплохие педагоги!"

И действительно: фортепьяно — В. К. Мержанов! История и теория фортепьянного искусства — А. А. Николаев! (Тот самый, по чьей "школе" учились и учатся до сих пор миллионы!) Класс ансамбля — К. Х. Аджемов! Теория музыки — Е. В. Назайкинский! История музыки — Г. В. Крауклис! И даже по немзыкальному предмету — немецкому языку — сам В. Н. Девякин, доктор словесности, автор знаменитых учебников! По концертмейстерскому классу украшал список К. Л. Виноградов, ради которого я и затеял это перечисление. Перед каждым из имен следовало бы сказать "сам", и после каждого — поставить восклицательный знак. Прав был профессор — это был, действительно, какой-то неслыханный максимализм! И я был, действительно, счастливейшим из студентов.

Простите за дурацкое, может быть, сравнение, но лучшего примера мне не найти: весь мир знает, что, когда говорят о часах, то самые точные и лучшие — швейцарские; когда говорят о собоином мехе и черной икре — это Россия; если разговор зайдет о химии, то в первую голову вспоминается имя Д. И. Менделеева. Когда речь идет о концертмейстерском искусстве — это Кирилл Львович Виноградов. Гений аккомпанемента, концертмейстер Божьей милостью. Один из столпов; из тех китов, на которых все держится.

Разумеется, было бы большим заблуждением и несправедливостью считать К. Л. Виноградова преуспевшим только в этом предмете. Музыка — явление универсальное, и он был универсальным музыкантом. И вот в этом, самом высоком смысле я не только имею право, но и обязан — как и многие, многие другие — считать его своим учителем, великую благодарность которому я храню всю жизнь.

А теперь я обязательно должен сказать, почему и как был плохим учеником. Пусть не возникнет впечатления, будто я собираюсь говорить здесь больше о себе. Но надеюсь, что мой опыт поможет учащейся молодежи избежать некоторых ошибок и заблуждений.

Концертмейстерство — искусство тончайшее, оно требует необычайной гибкости. Один из важнейших моментов его — умение чутко слышать солиста, идти за ним, чтобы исполнение музыкального произведения слилось в единый и цельный феномен. По натуре своей я всегда тяготел к самостоятельному сольному концертному выступлению. А тогда к тому же был еще и незрелым первокурсником. И мне претила обязанность за кем-то идти, следовать чьей-то интерпретации. (Не говоря уже о том, что и среди вокалистов — и даже не только первокурсников — незрелость, увы, тоже встречается, что греха таить, и это в немалой степени усугубляло мое противостояние.) Помню, как педагогов удивляло сочетание моей нерадивости в концертмейстерском классе с хорошими успехами в классе ансамбля, а я, закусив удила, разглагольствовал о том, какая пропасть разделяет концертмейстерство и ансамблевое музицирование. Ах, как свойственна незрелой юности торопливость, поспешность в желании показать и проявить себя, свою индивидуальность! "Пусть прислушиваются ко мне, пусть следуют моей интерпретации!"

Лишь много позже я понял давно известную истину: по-настоящему хорошо командовать может научиться только тот, кто умеет подчиняться. Скажу больше: искусство концертмейстера в некотором смысле можно уподобить основам дворянского достоинства и чести. Каким бы ни был сиятельным князем, сияние его померкнет и потускнеет, если он не умеет склонить голову перед монархом. Умение охотно признавать над собой то, что поставлено выше тебя, — есть особая доблесть. И нет худшего позора, чем неприятие необходимости подчиниться, когда это нужно. Именно природная эта пошлая склонность, если она не побеждается разумом и нравственностью, как раз и приводит ко всякого рода революциям и коммунизму.

Тот, кто чутко следует за моей мыслью, поймет меня правильно. Все это я говорю, в конечном счете, для того, чтобы воздать хвалу Кириллу Львовичу Виноградову — истинному дворянину в жизни и в музыке.

Сергей ДИДЕНКО.